

мы видим людей, притворяющихся, что они *знают*. И мы начинаем притворяться, что мы знаем, и как будто находимся в согласии с людьми и не замечаем того большего и большего несогласия с самими собою, которое при этом испытываем. Приходит время (и оно для вас уже пришло с тех пор, как я вас зазнал), что дороже всего согласие с самим собою. Ежели вы установите, откинув смело всё людское притворство знания, из которого злейшее — наука, это согласие с самим собой, вы будете знать дорогу. И я удивляюсь, что вы можете не знать ее». ¹⁰⁹

Страхов уязвлен в самое сердце, самолюбие его задето так глубоко, что он обращается к Толстому с просьбой разъяснить мысль, показавшуюся ему оскорбительной, нисколько при этом не желая красоваться или оправдываться, признавая слабые стороны своей натуры: «...я ничего Вам не принес и ни в чем Вам не пособил; я все тот же колеблющийся, отрицательный, неспособный к твердой вере и сильному увлечению какою-нибудь мыслью. Да, таков я. С недоумением перебираю я всякие взгляды людей, древние и новые, с упорным вниманием ищу, на чем бы можно остановиться, и ничего не нахожу. Я мог бы наказать о себе много и очень печальных вещей; мысли мои о себе — самые горькие. Но все-таки я не могу понять Вашего упрека в каком-то *притворстве* и в *несогласии* с самим собою. Так как дело идет о моей драгоценной особе, то оно очень меня, очень заинтересовало, и я прошу Вас, как большого одолжения, объяснить мне Вашу мысль. Не бойтесь меня уколоть. Вы же видите какой-то выход, тогда как я выхода не вижу». ¹¹⁰

Толстой в тщательно продуманном ответном письме признал, что «неясно и резко выразился», сожалея, что невольно огорчил Страхова, столь ему дорогого человека (и он не скупится на комплименты и выражения сердечных чувств): «Нет человека, которого [бы] я больше уважал, чем вас, и которому бы желал быть более приятным, и вдруг я огорчил вас»; «Вся моя вина в том, что я слишком люблю ваш ум, вашу душу, жду от нее слишком многого и слишком поспешно решил причину, по которой вы не удовлетворяете моим требованиям от вас». ¹¹¹

Но от мысли — пусть и выраженной неясно, резко и немного косноязычно — не отказывается. Пытается пояснить ее и, почувствовав исповедальную склонность, выразившуюся в последнем письме, призывает критика к откровенности, к правдивому «субъективному» рассказу о своей духовной жизни или, говоря иначе, к исповеди: «...перебирание чужих взглядов и искание в них я называю (неточно) притворством знания, т. е. я хочу сказать, что, подделываясь под чужие взгляды, притворяешься, что знаешь, и лишаешься согласия с самим собою. Вы прожили 2/3 жизни. Чем вы руководились, почему знали, что хорошо, что дурно. Ну вот это-то, не спрашивая о том, как и что говорили другие, скажите сами себе и скажите нам». ¹¹²

По сути, еще одно, самым ясным образом сформулированное приглашение к исповеди, которая на этот раз тут же и последовала в ответном письме от 25 апреля. Сжатая, почти целиком состоящая из горестных обобщенных суждений итогового характера, в которых бесследно растворились конкретные эпизоды или «опыты» жизни: «Конечно, главный мой недостаток — отсутствие самостоятельности, а главное несчастье в том, что ища постоянно, чему бы подчиниться, я не умею ничего найти и потому думаю, что нынче

¹⁰⁹ Там же. С. 423.

¹¹⁰ Там же. С. 428.

¹¹¹ Там же. С. 429, 430.

¹¹² Там же. С. 429.